

ДИНАМИКА СОВЕТСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

Вот уже два десятилетия, как по аудиториям западных университетов широко гуляет идиотская теория о том, что в основе внешней политики Кремля лежит не глобальная идеология коммунизма, а обычный для всех великих держав традиционный фактор — фактор национально-государственных интересов. Так как проповедники этой теории являются одновременно и советниками западных правительств по выработке их „восточной политики”, то результаты такой политики общеизвестны: фальшивая диагностика — фальшивый рецепт, а в итоге — торжествующий коммунизм в самых разных точках земного шара.

Советская глобальная стратегия основана на влиянии ряда факторов, одни из которых постоянные, другие — переменные. Анализ их возникновения, развития и взаимодействия проливает свет как на эффективность сегодняшней международной политики Кремля, так и на паллиативность западной реакции на нее.

Среди определяющих советскую внешнюю политику факторов есть основополагающие, которые могут быть названы *субстанциональными* — политико-идеологический, военно-стратегический, экономический, — и факторы переменные, преходящие, производные („мир”, „право на самоопределение”, „существование”, „разрядка” и т.д.), которые можно назвать *функциональными*. Между теми и

другими стоит фактор национальный — национально-государственных интересов страны. Действие этих факторов на разных этапах советской внешней политики различно в силу различных условий. Иной раз кажется, что эти факторы перемещаются местами: ведущие, субстанциональные, как бы теряются из виду, а функциональные, производные, делаются ведущими. Сама советская дипломатия, пропаганда, организационный аппарат, стиль, формы и методы работы по осуществлению внешнеполитических целей советского государства тоже подвергались и подвергаются постоянным изменениям, вызываемым изменениями внутренних и внешних условий, и, следовательно, перемещением названных факторов. Наша задача — проследить этот процесс исторически, оценить значение каждого фактора, выделяя при этом наиболее важные из субстанциональных и наиболее характерные из функциональных факторов советской внешней политики.

Борьба за „мировую социалистическую революцию” в советской внешней политике находит свое выражение в новом типе советского колониализма и империализма. Советский империализм не есть повторение общеизвестных нам вариантов классического империализма. Он внационален, а потому революционен и динамичен. Он не столько экономический империализм, сколько идеократический. Его в первую очередь интересует не сырье, не рынок сбыта, не даровой труд, не место приложения капитала (все то, что интересовало капиталистический империализм) — его интересуют люди, для их подчинения определенному политическому и идеологическому режиму. Классический империализм не навязывал колониям и завоеванным им народам своего порядка и своей идеологии. Советский империализм

лизм главным образом преследует именно эти цели, благоразумно считая, что все остальное приложится. Вот почему советский империализм есть новый тип империализма — более эластичный, более динамичный, в конечном счете более успешный. Таким образом, это империализм внерасовый, который ориентируется на создание новых господствующих классов среди самих же колониальных народов для поддержания собственной политики при сохранении за собой верховного контроля.

Многие, особенно среди западных историков, склонны рассматривать советский империализм и советскую внешнюю политику как органическое продолжение империалистической политики царской России. Другие, особенно среди самих русских в свободном мире, склонны отрицать всякую связь между той и другой политикой. Оба эти взгляда, вполне объяснимые психологически, исходят в своей оценке из эмоционально-субъективных восприятий. Отождествлять внешнюю политику императорской России с внешней политикой советской России — значит переоценивать возможности, масштаб, характер, цель внешнеполитической деятельности царизма и недооценивать указанный выше интернациональный, межконтинентальный масштаб и идеократический характер советского коммунистического империализма. Внешнеполитические интересы царской России были территориально-стратегическими и охватывали район Евразии, а потому были локальными. Интересы же СССР идеологические, а потому глобальные. Коммунисты всегда рассматривали коммунистическую Россию как материальную, военно-стратегическую и человеческую базу для осуществления своей конечной политической цели — мирового коммунистического господства.

Ленин, именем которого ведется сегодняшняя внешняя политика СССР, разработал ее важнейшие принципы, целиком основанные на ведущем и главенствующем факторе — политико-идеологическом. Национально-государственные интересы России Ленин без колебаний ставит на службу своим партийным идеологическим принципам: „В вопросе внешней политики перед вами две основных линии — линия пролетарская, которая говорит, что социалистическая революция дороже всего и выше всего, и другая линия — буржуазная, которая говорит, что для нее государственная великодержавная и национальная независимость дороже всего и выше всего” (В.И.Ленин. Соч., т. 27, изд. 4-е, стр. 261). Мы видим у Ленина ясное и категорическое преобладание идеологического фактора над национальным, его готовность жертвовать национальными принципами и национальными интересами, если этой ценой можно ускорить мировую революцию. Этот фактор коммунистической экспансии по всему остальному миру, собственно, и есть ведущий ленинский фактор внешней политики СССР. Потому-то советская внешняя политика по сути своей — не национальная политика советских народов, а интернациональная политика советских коммунистов.

В сталинскую эру произошли известные перемены в направлениях, темпах и формах советской внешней политики. Перемены эти выразились главным образом в перемещении или в меньшем или большем подчеркивании тех или иных факторов.

Предсказание Ленина, что Октябрьская революция — лишь начало, канун европейской и мировой революции, не оправдалось, да и курс Ленина на немедленное введение коммунистического строя в

России оказался тоже битым. Стране предстояло пройти через этап неокапиталистический, нэповский. Внешняя политика этого периода — политика сначала лавирования, разведки в тылу противника, а потом и торговых отношений с несоветским миром на основе статус-кво. Ближайшая цель такой политики -- добиться дипломатического признания октябрьского переворота и советского режима, что и было легко достигнуто. Но в вопросах мировой революции Ленин еще оставался утопистом, продолжая считать, что она неизбежна, хотя и несколько задержалась. Дипломатическое признание советской России со стороны внешнего мира ему было важно для легализации советского нелегального аппарата за границей и облегчения работы Коминтерна. Эра мировой революции наступила в том смысле, думал Ленин, что на Западе можно организовать отряды коммунизма, которые окажутся в состоянии произвести у себя свои „октябрьские перевороты”. Словом, Ленин по-прежнему верил в свою теорию организованной революции. Та же линия была и у Троцкого („теория перманентной революции”). Но Сталин не верил в реальность схем Ленина и Троцкого. Как Ленин не верил в автоматическую революцию Маркса, так и Сталин не верил в организованную революцию Ленина ввиду создавшихся новых условий.

Сталин, хотя он этого открыто никогда не говорил, видел, что капитализм модернизируется, его экономический строй все более и более прогрессирует в социальном отношении. Старая теория Маркса о раннем капитализме и новая теория Ленина о „высшей стадии капитализма” („Империализм, как высшая стадия капитализма”) опрокинуты жизнью, а следовательно, опрокинуты и политические концепции, выработанные на основе этих теорий. Сов-

ременные западные государства постепенно становятся надклассовым, общенародным, демократическим органом политического волеизъявления народа и верховным арбитром социального мира. Вместо пресловутой классовой борьбы пролетариата именно в Германии наметилась эра „гражданского мира“, да и сам европейский пролетариат не только стал в оппозицию к лозунгу собственной революции, но и почти целиком пошел за социал-демократией, что свело роль коммунистических партий к роли узких и маловлиятельных политических сект. В англосаксонских странах пролетариат пошел даже за буржуазными партиями.

Все это заставило Сталина пересмотреть ленинскую теорию организации революции в других странах и выдвинуть собственную теорию о строительстве „социализма в одной стране“. Из этой теории делались весьма важные для внешнего мира политические выводы. Советская внешняя политика ставилась на службу внутренним целям Сталина: индустриализации, коллективизации и созданию гигантской террористической машины. Соответственно перестраивалась и советская дипломатия. Официальная дипломатия стала дипломатией „единого и неделимого мира“ (формула Литвинова). Даже малые страны, непосредственные соседи СССР, были оставлены в покое. Коминтерн, конечно, продолжал действовать, но уже не в качестве „штаба мировой революции“, а как агентура советской тайной полиции за границей. Словом, „национал-коммунист“ Сталин возобладавал и над мертвым Лениным, и над его живыми соратниками (Троцким, Зиновьевым, Каменевым) и приступил к строительству этого „национал-коммунизма“ в одной стране не без сочувствия внешнего мира, который хотел видеть в победе Ста-

лина над Троцким победу национальной, хотя бы в коммунистической форме, идеи России над более опасным интернациональным направлением ленинизма-троцкизма. Более того, советский коммунизм считался вполне терпимым, а для русских даже полезным, пока он остается в национальных рамках. Но как выяснилось потом, национал-коммунизм Сталина служил в конечном счете той же цели организации коммунистической революции в других странах, созданию там коммунистических режимов, но опирающихся на СССР — как на главную вооруженную базу и на местных коммунистов — как на подсобную силу. Сталин так и понимал свою задачу: „Победа социализма в одной стране не есть самодовлеющая задача. Революция победившей страны должна рассматривать себя не как самодовлеющую величину, а как подспорье, как средство для ускорения победы пролетариата во всех странах” (Вопросы ленинизма, стр. 102).

Пока Россия была крестьянской страной, эта база оставалась малоэффективной в отношении высокоразвитых индустриальных держав. Индустриализация и была подготовкой этой мощной промышленной и военно-стратегической базы, созданием исходного пункта для организации коммунистических режимов, опирающихся, в первую очередь и главным образом, не на эфемерные местные силы коммунистов, а на колоссальный военно-промышленный потенциал советского государства. Следовательно, сталинская теория строительства социализма в одной стране, программа индустриализации и коллективизации страны, курс на примат тяжелой индустрии означали во внешнеполитическом аспекте только одно: экономическое и техническое перевооружение страны для активной, экспансионистской,

завоевательной политики мирового коммунизма. На этой основе в конце тридцатых годов происходит пересмотр старого курса „существования”, а заключив „пакт Молотова — Риббентропа”, Сталин приступает к активизации советской внешней политики. Аннексируются части Польши, Финляндии, Румынии, а также прибалтийские страны. Одновременно и в советской идеологической системе объявляется „переоценка ценностей”. Происходит „патриотическая революция” с культивированием „советского патриотизма”, амнистия русских исторических героев и полководцев, реабилитация в определенных пунктах исторической внешней политики старой России, например, признание завоевания Кавказа и Туркестана прогрессивным событием. Русский национализм как будто становится субстанциональным фактором советской внешней политики.

Рассмотрим, почему, как и во имя чего это делается. Ненаучно и антиисторично отрицать влияние национального фактора на внешнюю политику коммунистических правительств. Каждое коммунистическое правительство строит и проводит свою внешнюю политику, опираясь на данную, живую, специфическую национальную среду, на активную часть народа, на территорию, традицию, историю, на национальный характер данного народа. Власть, вынужденная поступать так, не может безнаказанно и длительное время игнорировать национально-государственные интересы своего народа, хотя бы они не укладывались в коммунистические, т.е. интернациональные, рамки доктрины. Хотя данной, покоренной ими нацией коммунисты пользуются во имя целей далеких и даже противоположных ее насущным интересам, все же часто случается и так, что коммунистическая доктрина выявляет себя как прикрытие

или даже как инструмент великодержавной политики этой нации. Таким образом, национализм временами выступает как субстанциональный фактор коммунистической внешней политики с той необходимой оговоркой, что при альтернативе — интернациональный коммунизм или национализм — Ленин выбирал первый, Тито выбрал второй, а Сталин и Мао Цзэ-дун комбинировали то и другое. История внешней политики СССР собственно и есть, если ее рассматривать только в данном плане, история борьбы между этими двумя факторами за первенство в определении советского внешнеполитического курса.

Поскольку, по расчетам Сталина, как уже указывалось, СССР должен был стать базой, исходным пунктом мировой революции, а советские люди — ее главными носителями, то и идеологическая концепция Сталина тоже носит не чисто коммунистический, а коммунистическо-патриотический характер („советский патриотизм”). Решая вопрос, к чему апеллировать при осуществлении внешнеполитических замыслов, — к национальному или к националистическому чувству русского человека или к коммунистической, интернациональной сознательности советского человека, — Сталин находит странный для коммунистической доктрины, но весьма действенный для его собственных целей ответ: апеллировать должно к патриотизму!

Эта „патриотическая революция”, начавшаяся с середины 30-х годов, во внешней политике была реакцией на торжество национал-социализма в Германии, а во внутренней — капитуляцией Сталина перед русским национальным духом, *но с тем, чтобы использовать динамизм русского национального сознания в тех же коммунистических целях*. Поэтому

му было вполне естественно, что в годы войны Сталин никогда не апеллировал к коммунистической философии Маркса и Энгельса (на протяжении всей войны Сталин и его соратники этих имен не упоминали в своих речах). Более того, он пошел на официальный роспуск Коминтерна и на амнистию Церкви. Той же линии национальной пропаганды во время войны советское правительство держалось и в союзных республиках, призывая их народы быть достойными потомками своих великих предков и национальных героев (Богдана Хмельницкого — на Украине, Шамиля — на Кавказе, Иманова — в Средней Азии и т.д.). Особенно яркое в этом смысле обоснование своей внешней политики дал Сталин, говоря о капитуляции Японии: „Поражение русских войск в 1904 году, в период русско-японской войны, оставило в сознании народа тяжелые воспоминания. Оно легло на нашу страну черным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония *будет разбита и пятно будет ликвидировано*. Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня и вот этот день наступил” („О Великой Отечественной войне Советского Союза”, 1952, стр. 40). Сталин, конечно, умолчал, что его партия, основатель этой партии Ленин были „пораженцами” в русско-японской войне и боролись именно за поражение России в войне против Японии. К этой войне большевики подходили опять-таки с точки зрения политико-идеологического фактора, с точки зрения интересов завоевания политической власти и осуществления своей политической доктрины даже ценой национальной катастрофы. Ставку на национально-русский фактор в „Великой Отечественной войне” Сталин сделал именно в результате банкротства коммунистической доктрины. Россия, соб-

ственно, и была спасена во второй мировой войне не советским коммунизмом, а пробудившимся русским национализмом, при учете роковых ошибок немецкой политической стратегии в этой войне.

Но и в данном случае национальный фактор надо рассматривать не изолированно, а в неразрывной связи с общей стратегической целью коммунизма — установлением мирового господства. Так как эта стратегия требует чрезвычайной гибкости в национальном вопросе, то игра коммунистов на националистических, шовинистических чувствах есть лишь оружие, метод и одна из рассчитанных форм порабощения этой же национальности в интернациональных целях коммунизма. Но могут быть ситуации, когда правители подкоммунистических стран вынуждены выдвигать на первый план национальный элемент как ведущий фактор или как фактор, выдаваемый за таковой, как это было со стороны Сталина против Гитлера во второй мировой войне или со стороны Тито против Сталина после второй мировой войны, или со стороны Пекина против Москвы сейчас. Опыт Тито и Гомулки ясно показывает, что ставка на национализм в междоусобной борьбе коммунистических стран есть лишь тактический маневр малых правителей, чтобы заручиться симпатией и поддержкой своего народа против правителей великой державы, или, другими словами, это одна из форм самообороны „национал-коммунизма” против „великодержавного коммунизма”, а не против коммунизма вообще. Стало быть, национальный фактор (в политике как СССР, так и его сателлитов) принимает форму субстанционального в случае политического или военного кризиса режима, а во всех других случаях он остается фактором функциональным.

Функциональными, или производными, факторами в советской внешней политике являются „борьба за мир”, „курс на сосуществование”, принцип „невмешательства”, „право народов на самоопределение” и т.д. В нашу задачу не входит подробное рассмотрение этих факторов. Сама история советской внешней политики служит убедительным доказательством того, что все они суть не субстанциональные ее факторы, не принципы, определяющие ее интересы и направление, а факторы функциональные и производные, изменчивые и тактические, представляющие собой средства, а не цель. Достаточно указать, что если бы советская внешняя политика руководствовалась действительным признанием права народов на самоопределение и их государственного суверенитета, в Восточной и Центральной Европе не существовали бы „народно-демократические” режимы, а в Прибалтике — три советские республики, не говоря уже о ранее покоренных коммунизмом народах. То же самое касается „разрядки”, „мира” и „разоружения”. Поскольку коммунизм не в состоянии победить сразу во всем мире, коммунисты и сегодня держатся известной теории Ленина о „слабом звене” и предпочитают побеждать одну страну за другой. Так как, по той же теории, процесс разложения и овладения изнутри свободными странами — процесс длительный, то коммунистическая система готова на „сосуществование” в виде соревнования с капиталистической системой. „Сосуществование” Кремля несет с собой не установление духовного контакта между Западом и Востоком, даже не установление соглашения между национально-политическими и социально-политическими взглядами сторон, а, наоборот, переключение всех средств режима на идеологическую войну про-

тив неприятеля. Кремль неоднократно заявлял, что лозунг „сосуществования” означает отсутствие „горячей”, но продолжение идеологической войны коммунизма против демократии. По сути, это продолжение „холодной войны”, переименованной большевиками в „идеологическую борьбу”.

Функциональным, производным фактором в советской внешней политике является и национально-колониальный вопрос, или вопрос об освобождении колониальных народов, об их праве на самоопределение. При постановке и разрешении национального вопроса большевизм исходил и исходит из того, что для успешного осуществления общего плана мировой революции можно и должно использовать колониальные и зависимые народы, обещая им широкие национальные свободы вплоть до свободы создания самостоятельных государств. Однако и в этом случае национальный вопрос рассматривается как производная, подчиненная часть общего вопроса о мировой коммунистической революции. Поэтому коммунизм поддерживает только то национальное движение, которое, во-первых, ослабляет, подтачивает силы Запада, а во-вторых, прямо или косвенно поддается контролю и руководству коммунистов.

Фактор страха, фактор „мании интервенции” со стороны внешнего мира, тоже влияет на определение и направление советской внешней политики. Предположение, что стоит лишить руководителей СССР повода для такого страха, что стоит сделать Кремлю далеко идущие уступки, чтобы доказать миролюбие Запада, как Кремль избавится от воображаемого страха и на земле водворится подлинный мир, основано на трагическом недоразумении. Носители таких взглядов забывают, во-первых, источник

и природу советского фактора страха, а во-вторых, абсолютную условность всяких условий мира с коммунистическим режимом. Вообще говоря, с коммунизмом мир невозможен, а возможно более или менее длительное вооруженное перемирие. Коммунизм рассматривает такое перемирие как паузу, как передышку на путях к очередному этапу коммунистической „освободительной войны”. В силу этого советский коммунизм питает вполне естественный страх перед возможностью преждевременного раскрытия конечных замыслов его глобальной экспансии.

Таким образом, фактор советского страха — не столько результат учета уроков истории или намерений потенциального противника, сколько врожденный, имманентный фактор самой агрессивной сущности коммунистической стратегии. Коммунисты убеждены, вопреки всем их тактическим заклинаниям, что сосуществование на долгое время, сосуществование органическое между социализмом и свободным миром исключено. Исключено из-за решимости самого коммунизма покончить со свободным миром. Фактор страха есть фактор боязни советского режима, что намеченная им жертва может предупредить агрессию со стороны СССР своим превентивным ударом. В этом смысле данный фактор рефлексивен: его первопричина лежит внутри коммунизма, а не во внешнем мире. Но этот фактор играет большую пропагандную и тактическую роль. Гигантские расходы режима на подготовку войны оправдывались и оправдываются сейчас необходимостью дать отпор якобы постоянно планируемой военной агрессии „капиталистического лагеря” против СССР. Низкий стандарт жизни народа, в свою очередь, тоже оправдывается необходимостью таких расходов.

Все это относится к фактору страха Кремля перед внешним миром, но существует и фактор страха коммунистов перед собственным народом. Для длительного и истинного мира между народами необходимо постоянное взаимопонимание, необходимо духовное, культурное и даже идеологическое сотрудничество между ними. Кремль боится такого сотрудничества, боится духовного общения между народами, боится утраты „фактора страха” (что помешало бы его политике воспитания ненависти к чужим народам), боится срыва и разоблачения своих внешнеполитических замыслов, боится, наконец, заражения собственного народа извне опасными для режима идеями демократии и свободы. Поэтому и существует „железный занавес”. *До тех пор, пока СССР на деле не откажется от руководства мировым коммунистическим заговором и не снимет „железный занавес” по обе стороны, все разговоры, о контролируемом разоружении, о запрещении термоядерного оружия, об обеспечении мира путем увеличения количества существующих международных договоров суть беспочвенные иллюзии.* Требование же новых уступок советскому правительству в жизненно важных вопросах европейской и мировой безопасности означает на деле приглашение Кремля к очередной агрессии.

Сегодня мы присутствуем при рождении новой главы в истории советской внешней политики. Ее нельзя свести просто к политике мировой революции Ленина-Троцкого первых лет советской власти, но ее нельзя также целиком отождествить с послевоенным курсом прямой или косвенной агрессии Сталина-Молотова. Новая глава советской внешней политики, связанная с решениями XX, XXII, XIV, XXV съездов КПСС, не исключает, конечно, целей

прежней, ленинско-сталинской политики, но в соответствии с изменившимися условиями как в самом СССР, так и за границей, особенно в связи с самоуничтожающей опасностью атомной войны, на передний план выдвигаются иные средства и иные методы: военно-экономическая экспансия, идеологическая агрессия, чекистская инфильтрация, дипломатический шантаж, чтобы взорвать Европейское сообщество и НАТО изнутри.

Военно-политическая мысль Кремля не знает допотопных предрассудков вроде модных теорий „паритета” и „баланса сил”. Она знает лишь одну теорию и один „категорический императив”: абсолютное превосходство сил на суше, на море, в воздухе. Поэтому советская военная стратегия основана на принципах не обороны, а наступления. Этот кричащий „секрет” советской военной стратегии выдал еще Хрущев: „Наша страна, построившая социализм, долгое время была единственной в мире социалистической страной и находилась во враждебном капиталистическом окружении. Теперь положение в мире коренным образом изменилось. Нет уже больше капиталистического окружения нашей страны. Имеются две мировые общественные системы: отживший свой век капитализм и полный растущих сил социализм... Опасность реставрации капитализма в СССР исключена” (Доклад на XXI съезде КПСС. „Материалы внеочередного XXI съезда КПСС”. М., 1959, стр. 97-98).

XXI съезд сделал вывод, что „победа социализма в СССР, создание мировой социалистической системы неизмеримо укрепляют силы международного рабочего (коммунистического. — А.А.) движения и открывают для него „новые перспективы” (там же, стр. 98). Об этих „новых перспективах” говорил и

Брежнев на XXIV-XXV съездах. На этих „новых перспективах” и основаны международные экономические расчеты Кремля. Другими словами, „новые перспективы” есть не что иное, как рождение нового фактора советской внешней политики — экономического, фактора планирования экономической экспансии в трех формах: экономической „взаимопомощи и координации” с сателлитами (что означает поставить и экономику сателлитов на службу московской международной политике); „техноэкономической помощи” слабо развитым странам, главным образом оружием и „инструкторами”; „мирного соревнования между капитализмом и социализмом” в целях использования технологии и кредитов мирового капитализма для строительства коммунизма в СССР как базы уничтожения этого же самого капитализма.

Наш анализ субстанциональных и функциональных факторов советской внешней политики был бы неполным, если бы мы не рассмотрели отдельно еще одного фактора, безымянного, но довольно весомого и важного. Коммунисты его не любят рекламировать, а их противники узнают о его успехе всякий раз постфактум. Это — тактическое искусство.

Дело не в том, что тактика коммунистов эластична. Не всегда она такова, иной раз она заводит в тупик и их собственный режим („военный коммунизм” при Ленине, послевоенный СССР при Сталине), заводит именно тогда, когда коммунисты начинают упорствовать в своих расчетах, явно изменяя собственному тактическому учению. Действенность коммунистической тактики, ее эластичность основаны на широте ее диапазона. Если она и динамична, то не вследствие интеллектуального превосходства коммунистического руководства, а скорее наобо-

рот, вследствие его плебейского утилитаризма, духовной ограниченности, моральной неразборчивости. Динамизм коммунистической тактики надо искать в абсолютном отрицании коммунистами всяких моральных норм — как религиозных, так и иных, традиционных, обычных. Если казавшиеся еще вчера священными принципы сегодня приходят в столкновение с интересами режима, они немедленно будут выброшены и заменены другими, полезными и созвучными времени. При этом критерием замены старых и принятия новых принципов служит тот же фактор власти: насколько старый мешает и насколько новый помогает укреплению и расширению власти. Так поступал Ленин, так поступал Сталин, так поступают и их наследники. „Нравственно в нашем обществе все, что служит интересам коммунизма”, — говорил Брежнев на XXV съезде КПСС („Правда”, 25.2.76). Законами этой „моральной диалектики” лидеры коммунизма всегда оправдывали любые невероятные метаморфозы в своей тактике. Когда этого требовали интересы дела, даже сама диалектика оказывалась насквозь „диалектической”.

Полная внутренняя свобода в трактовке собственного учения, совершенное отсутствие морального тормоза при выборе средств, подкупающий фанатизм в деле отстаивания собственных целей и готовность пожертвовать любыми идеалами (национальными, социальными, философскими) во имя одного неизменного и ведущего идеала, во имя власти, — таковы характерные черты большевистского учения о тактике. Этой сущностью тактической доктрины определяются и советская внешняя политика, и инструмент ее проведения в жизнь — советская дипломатия, а также подбор советских дипломатических

кадров за границей, одна половина которых состоит из штатных, а другая — из „кооптированных” агентов КГБ.

Из марксизма-ленинизма дипломатия Кремля черпала и черпает лишь его моральную философию, а средства, приемы, методы ей приходилось разрабатывать самой. Здесь она не пренебрегала и тем, что оставили потомкам старые классические или буржуазные школы в дипломатии — от Талейрана и Меттерниха до Бисмарка и Черчилля. Из наследства этих школ брались только те элементы, которые предвосхитили прагматическую философию примата реальных интересов над нравственностью. Разумеется, на словах коммунистические вероучители отмежевываются, скажем, от дипломатического цинизма Талейрана или от государственной философии Макиавелли, на деле они взяли у них все, что укладывалось в столь широкие рамки советской тактики и стратегии.

Принято считать, что консерватизм, вытекающий из марксистской ортодоксии, в той или иной степени парализует тактическую гибкость коммунизма, делает коммунистов пленниками собственного учения, заставляет их во имя принципов идти напролом против заведомо непреодолимого препятствия, отказываться от оппортунистических компромиссов во имя чистоты марксизма-ленинизма, жертвовать выгодами создавшегося положения, если оно противоречит проповедуемым догмам, цепляться за престиж там, где это спасает лишь форму, но вредит содержанию. Ничто не может быть ошибочнее, чем такое представление о коммунистической тактике вообще и о коммунистической дипломатии в особенности. Лавирование, соглашательство, преднамеренные компромиссы, умелое использование противो-

речий в лагере врага, вербовку временных союзников даже из числа своих врагов Ленин завещал своим ученикам как основу основ советской дипломатии. Искусство лавирования — первый принцип большевистской тактики. Ленин — величайший из революционных агрессоров, — всегда сочувственно цитировавший слова Клаузевица о том, что наступление и в политике есть лучший вид обороны, тем не менее указывал своим ученикам, что отступление тоже есть особое и специальное искусство, которому надо постоянно учиться.

Второй принцип большевистской тактики сводится к тому, чтобы правильно выбирать время наступления, а до этого держать противника в постоянном неведении. Еще Макиавелли советовал правителю скрывать от врага заранее намеченную политику. Ленин стоит на той же точке зрения. Он говорил: „Связывать себе наперед руки, говорить открыто врагу, который сейчас вооружен лучше нас, будем ли мы воевать с ним и когда, есть глупость, а не революционность. Принимать бой, когда это заведомо выгодно неприятелю, а не нам, есть преступление, и никуда не годна такая политика революционного класса, которая не сумеет продолжать „лавирование, соглашательство, компромиссы“, чтобы уклониться от заведомо невыгодного сражения” (Соч. 4-е изд., т. 31, стр. 58).

Пока это время не назрело, пока идет лишь соби-
рание своих и разведка вражеских сил, надо уметь
работать в тылу, в лагере врага. Отсюда Ленин вы-
вел третий принцип большевистской тактики: „На-
до обязательно научиться легально работать в самых
реакционных парламентах, в самых реакционных
профессиональных, кооперативных, страховых и по-
добных организациях” (Соч., 3-е изд., т. XXV, стр.

177). Если туда не пускают коммунистов, „надо уметь... пойти на все и всякие жертвы, даже — в случае надобности — на всяческие уловки, хитрости, нелегальные приемы, умолчания, сокрытие правды... Конечно, в Западной Европе, особенно пропитанной буржуазно-демократическими предрассудками, такую вещь проделать труднее. Но ее можно и должно проделать и проделывать систематически” (там же, стр. 199).

Из этих общих тактических установок вытекает и четвертый принцип коммунистической тактики в отношении международных договоров и договорных обязательств. Это — условность всяких обязательств. С затаенным сочувствием цитирует один советский дипломатический справочник Макиавелли как раз по данному вопросу: „Благоразумный государь не может держать своего слова, когда это вредно для него и когда исчезли причины, заставившие его давать обещание” (Дипломатический словарь, т. 1, М., 1948, стр. 588). Именно так и подходит ленинизм-сталинизм к оценке значения договоров и к международному праву вообще.

О своем отношении к международному праву и о цене международных договоров в глазах большевизма Ленин выразился так: „Как только мы будем сильны настолько, чтобы сразить весь капитализм, мы немедленно схватим его за шиворот” (Соч., 4-е изд., т. 31, стр. 360-361). Таковы основы тактического учения большевизма, таково и истинное значение коммунистического „существования”. Имеется действующий закон партии, написанный Лениным и принятый на чрезвычайном VII съезде партии (1918): „Съезд особо подчеркивает, что ЦК дается полномочие во всякий момент разорвать все мирные договоры с империалистическими и буржуаз-

ными государствами, а равно объявить им войну” (КПСС в резолюциях, 8-е изд., т. 8, М., 1970, стр. 27).

Вывод ясен: советская внешняя политика — не национально-государственная политика в обычном смысле, а интернационально-идеологическая функция советской внутренней политики. Она определяется задачами и интересами не страны, а одной лишь господствующей части народа — коммунистической партии и ее режима. Интересы партии совпадают с национально-государственными интересами страны только во время агрессии извне. Во всех остальных случаях они расходятся. В основе советской внешней политики лежат те же самые движущие субстанциональные факторы, что и в основе доктрины самой коммунистической партии, — интересы укрепления режима и задачи установления мирового коммунистического господства. Советская внешняя политика по природе своей не может быть пассивной, оборонительной и консервативной. Поскольку она лишь функция общей политики мировой революции, мирового господства, постольку она и эластичный инструмент в осуществлении задач этого господства. Поэтому советские политики вооружены только наступательным оружием, а их доктрина всегда насквозь агрессивна, даже в тех случаях, когда они вынуждены лавировать или отступать, и всякое отступление ими рассматривается лишь как пауза, как передышка для нового наступления. Различные факторы, в том числе и национальный, в разной степени влияют на отдельных этапах на советскую внешнюю политику, но два фактора — интересы власти внутри и победа коммунизма вовне — определяют ее. Это означает, что борьба ведется не за какой-то абстрактный коммунизм в виде гармоничного социального общежития, а за новоклассовый

режим господства коммунизма, именно советского коммунизма, борьба ведется за создание единой мировой коммунистической системы правления во главе с Советским Союзом. При всех действительных или кажущихся зигзагах во внешней политике СССР — от Ленина до Сталина, от Хрущева до Брежнева — эти два фактора остаются постоянно действующими и предопределяющими. Из этого вытекает важный и непреложный вывод: советская политика „разрядки” есть политика ленинской „передышки”, а так называемое „сосуществование” — это ленинское „средство собирания сил” для окончательного решения того же ленинского вопроса „кто кого?”.

Заклячая мир с немцами в 1918 году, Ленин говорил, что он торгует пространством во имя времени, а в наше время Кремль, наоборот, торгует временем во имя пространства. Когда кончится передышка и как кончится „сосуществование”, будут решать сами коммунисты. В этом и заключается величайшая опасность любого мира с коммунистами. Все внутренние хозяйственные планы, планы строительства так называемого коммунизма, если их брать только во внешнеполитическом аспекте, суть планы подготовки нового комбинированного наступления коммунизма на свободный мир, на этот раз уже на всех участках — военно-политическом, идеологическом, экономическом и научно-техническом (см. Программу КПСС — „КПСС в резолюциях”, т. 8, 1972, стр. 196-306). Это торжественно и от имени КПСС подтвердил на XXIV съезде генсек Брежнев: „Сегодня мы хотим еще раз заверить наших соратников — коммунистов мира: наша партия всегда будет идти в одном тесном боевом строю с вами... Полное торжество социализма во всем мире неизбежно. И за это торжество мы будем бороться,

не жалея сил” (Материалы XXIV съезда КПСС, М., 1971, стр. 22).

Неограниченность тактического диапазона советской внешней политики, ее полный иммунитет к морально-этическим нормам, ее чистейший утилитаризм в подходе к международному праву и вытекающие отсюда свобода и вольность в интерпретации принятых на себя обязательств — все это делает советское правительство в международных договорах опасным партнером. Свои права, следующие из договоров и соглашений, советское руководство рассматривает как права безусловные, а обязательства, вытекающие из них, как обязательства условные. Поэтому безопасность свободного мира, основанная не на его собственной силе, а на договорах с Кремлем, будет действительна только до тех пор, пока Советы не исчерпают своих договорных прав и связанных с ними выгод и не почувствуют себя достаточно сильными, чтобы безнаказанно разорвать эти договоры.

Накануне войны, во время и тотчас после нее СССР заключил около 25 крупных международных договоров и соглашений, касающихся ненападения, дружбы и невмешательства во внутренние дела других стран. Каковы же результаты? 24 из этих договоров разорвал СССР и только один договор — его партнер (Гитлер).

Международные соглашения и договоры нужны СССР, с одной стороны, для закрепления уже фактически завоеванных им позиций (линия Одер-Нейсе, Берлин, Восточная Европа как сфера влияния СССР) или, с другой стороны, для использования их с целью инфильтрации идей и людей в тыл своего идеологического врага.

Причем как раз в эру Брежнева СССР обогатил

свою международную практику уникальным „новшеством”: он подписывает международные соглашения, о которых не только он, но и его партнеры знают заранее, что они никогда не будут соблюдаться советским руководством. Новейший классический пример: Хельсинки. Отсюда нельзя, конечно, делать вывод, что с Кремлем вообще не имеет смысла заключать договоры. Суть в другом. Надо, наконец, понять после тяжких уроков истории, от Ялты до Хельсинки, что Кремль не обычная договаривающаяся сторона. Ему внушает уважение лишь сила, превосходящая его собственную. Ему импонируют лишь государственные деятели, способные воспользоваться своим превосходством. Поэтому договоры и соглашения с Кремлем только тогда имеют смысл, если противоположная сторона в состоянии гарантировать их обоюдное соблюдение.